

Агиографические мотивы в «Повести временных лет»

Жигалов Александр Юрьевич

Студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

В состав «Повести временных лет» (ПВЛ) входят фрагменты, различные в жанровом отношении. В одних эпизодах проявляются отличительные черты воинской повести, в других – христианской легенды или жития. Иными словами, следует говорить о полиморфности летописного повествования в жанровом отношении.

В жанре-ансамбле ясно выделяется агиографическое начало. Житийные мотивы играют важную роль в ПВЛ, помогают раскрыть патриотическую идею повествования. При анализе текста летописи можно увидеть, как происходит становление агиографического жанра на русской почве.

Особенности агиографического стиля проявились в погодных записях, повествующих о событиях еще до принятия христианства на Руси. Среди этих немногочисленных фрагментов летописи прежде всего заслуживают внимания рассказы о первых христианах.

Под 955 г. летописец повествует о путешествии княгини Ольги «въ Греки», ее крещении в Царьграде. Это первый фрагмент ПВЛ, в котором ярко отразились признаки житийного стиля.

Ольга была язычницей, как все окружавшие ее люди. Но в отличие от них она хотела приобщиться к христианской вере. На таком фоне ярче показывается благочестие героини. Летописец стремится контрастнее изобразить ее духовные, нравственные качества: смирение, кротость, чистоту души, – что характерно для агиографических произведений, прежде всего в них важен принцип запечатления идеала.

Запись 969 г., сообщающая о кончине княгини Ольги, – настоящий акафист, посмертная похвала первой христианке на Руси. В тексте обнаруживаются сравнения, словесные формулировки, характерные для житийного стиля, топоры, библеизмы. Все они помогают раскрыть важную для летописца мысль: Ольга – предвозвестница христианской земле, заря перед светом. Пронизывая все повествование о жизни княгини Ольги после крещения, эта идея звучит здесь особенно ясно.

Противоречивым, неоднозначным является образ князя Владимира. С одной стороны, он – равноапостольный креститель Руси, с другой стороны, показываются его прегрешения, летописец говорит о Владимире-язычнике.

Но все же в характеристике князя преобладают положительные черты. Они относятся к агиографическому плану повествования. Важно обратить внимание на переход Владимира-язычника к святости. Своеобразный водораздел, граница между двумя ипостасями князя – крещение. Именно с этого момента в летописном повествовании появляется похвальная, житийная стилистика.

Постепенно, но последовательно формируется идеал мудрого и боголюбивого князя-правителя. Владимир изображается как нищелюбец, заступник и кормитель бедных.

Святость Владимира неоспорима. Недаром самая прочувствованная, насыщенная наставлениями речь греческого философа обращена именно к нему. Но важнейшее доказательство святости – главный подвиг Владимира. Он крестился сам и людей своих крестил.

В ПВЛ проявляются особенности разных видов агиографических произведений. Небольшая ветвь княжеских житий берет здесь свое начало.

Византийская литература многое дала нарождающейся древнерусской словесности. Однако жития светских правителей – собственно русская особенность. Поэтому, анализируя ПВЛ, можно говорить о становлении своеобразного, неизвестного византийской литературе типа житийных произведений.

Прежде всего, необходимо отметить, что в летописи вырабатывается малая жанровая форма княжеской посмертной похвалы – панегирик.

Складывается определенный канон панегирика, в который входят упоминания о том, что князь был с детства боголюбив, воздавал церкви, был тих и кроток, пережил страдания.

Под 1086 г. в ПВЛ сообщается о смерти князя Ярополка. В этом фрагменте вновь можно обнаружить устойчивые словесные формулы, топосы, характерные для агиографических произведений. Нищелюбие и щедрость, любовь к чернецам, воздержание от пьянства и похоти очень важны в таком каноне.

В летописи отразились традиционные черты и духовных, преподобнических житий. Прежде всего, в погодных записях, сообщающих о жизни старцев Киево-Печерского монастыря, проявляются данные особенности.

Наиболее ярко агиографическая стилистика выражена в сказании об основании Киево-Печерского монастыря, о кончине его игумена Феодосия Печерского и в повествовании о черноризцах печерских.

В некоторых фрагментах летописного повествования ясно проявились особенности мученических житий.

Одним из таких эпизодов является запись 983 г., повествующая о варягах-мучениках. В ней описываются события еще до крещения Руси. Данный фрагмент ПВЛ близок к византийским мартириям, в основе которых – ключевой эпизод, кульминация жизни святого, его духовный подвиг. Отец и сын варяги – одни из первых христиан на Руси. Нам неизвестны даже их имена, но мы знаем, что они погибли за христианскую веру. Суть их подвига – в духовном противлении воле язычников.

Наиболее ярко черты мученических житий проявились в записи 1015 г., сообщающей об убиении братьев Бориса и Глеба.

Повествование об этих событиях и сказание о мучениках-варягах объединены многими общими чертами, однако есть и важные отличия между этими выразительными фрагментами летописного текста.

Борис и Глеб пострадали не за христианскую веру, как отец и сын варяги, братья – политические жертвы, если можно так сказать. Святополк Окаянный задумал погубить их, чтобы самому княжить в Киеве.

Впрочем, есть в произведении и такие фрагменты, в которых, согласно канону, должна использоваться агиографическая стилистика, но летописец по каким-либо причинам выбирает иной план повествования. Такова повесть об ослеплении Василька Тербовольского, помещенная в ПВЛ под 1097 г.

Автор летописного повествования осуждает всякого, кто берет на себя функцию мстителя. А в поведении Василька присутствует месть. Именно это получает негативную оценку летописца. Следовательно, традиция не нарушена. Здесь нет и не может быть места светлым агиографическим мотивам, отразившимся в иных фрагментах ПВЛ – летописи, роль которой в формировании национальной русской агиографии чрезвычайно важна.